

Попытка расширенного (концептуального) анализа недавних событий в Абхазии.

В связи с недавними выступлениями и волнениями в Сухуми, приведшими к отставке де-факто президента Абхазии, бытуют разные мнения относительно их причин. При этом какого-либо вразумительного прогноза и сценариев касательно будущего развития событий не предлагаются. Соответственно не выдвигаются какие-нибудь конкретные предложения по нашей позиции, кроме предельно абстрактного, в том смысле, что мы должны внимательно наблюдать и изучать происходящее и, как следствие, действовать предусмотрительно осторожно.

Наиболее распространенная версия, что все случившееся – это своего рода реакция России на приближающуюся дату подписания Грузией соглашения об ассоциации с ЕС; как бы напоминание со стороны России, что таким способом она может воздействовать на Грузию, заставив ее отвернуться от Европы. По нашему мнению, в силу ряда обстоятельств такой взгляд на положение вещей кажется довольно-таки примитивным.

Во-первых. Всем и так давно известно и хорошо понятно, что главной силой, фактически руководящей и направляющей все основные тенденции в сепаратистской Абхазии, является Кремль (вообще, никто и не пытается делать из этого тайны). Именно поэтому, такая своего рода «профилактическая мера» со стороны России по дестабилизации ситуации в сепаратистской Абхазии и кажется примитивной. Более того, с точки зрения большой политики подобные события, по большому счету, не выгодны самой России, ибо свидетельствуют о том, что по отношению к самопровозглашенной Абхазии она не может выполнять свои функции метрополия и гаранта стабильности.

Во-вторых. Одной из причин дестабилизации называется требование определенного круга протестующих, выступающих под лозунгом: «Больше интеграции с Россией». Однако, это может ввести в заблуждение разве, что крайне наивных и при этом очень далеких от элементарных понятий того, что происходит в нашем регионе в целом. Действительно, куда уж больше интеграции, когда и в торгово-экономическом, и в финансовом, и в социально-политическом плане сепаратистская Абхазия искусственно и практически полностью завязана на России.

В-третьих. Некоторые видят в подобных лозунгах «по сближению с Россией» попытку Кремля спровоцировать прямое присоединение т.н. независимой Абхазии к России. Но на данном этапе этот сценарий кажется маловероятным по двум основным причинам:

первое – России, по-видимому, сегодня не до этого, ибо, грубо говоря, она еще не успела отойти от « проглатывания Крыма, который, пока что, застрял у нее в горле», поэтому ей вряд ли нужны дополнительные головные боли, особенно со стороны мирового сообщества (в добавок, все еще непрекращающаяся напряженность на юге-востоке Украины); и второе - Кремль хорошо осведомлен, что большинство коренных жителей (в первую очередь, местные аборигены в виде абхазского и грузинского этносов) даже сегодняшней сепаратистской Абхазии негативно относятся к таким радикальным и неправомерным шагам.

В-четвертых. С учетом узости грузинского рынка и его незначительности для российской экономики (в отличие от украинской экономики, с которой у России подписан и действует ряд важных торгово-экономических соглашений, в т.ч. о свободной торговле), соглашение об ассоциации Грузии с ЕС по большому счету особо не угрожает интересам России, в частности ее экономическим интересам. Ибо ассоциация никак не означает автоматического присоединения Грузии к ЕС. В основном, это набор мер и рекомендаций, которые Грузия должна осуществить у себя в стране на пути ее декларированного сближения с Европой. И здесь не исключается следующий возможный сценарий со стороны Кремля (на первый взгляд парадоксальный): Россия официально не сопротивляется вышесказанному соглашению об ассоциации, ибо полагает, что ее имплементация на начальном этапе обязательно приведет к определенным спадам в приоритетных секторах экономики Грузии (попросту говоря, ударит по грузинским производителям, особенно в сельском хозяйстве), что неизбежно приведет к социальному недовольству со стороны грузинского населения. И здесь Россия задействует все свои экономические и идеологические рычаги для трансформации такого недовольства в социальный взрыв, нацеливаясь в конечном итоге на дискредитацию европейского и евроатлантического вектора в глазах простых грузин. В данной плоскости примечателен и тот факт, что уже сегодня, в отличие от совсем недалекого прошлого, грузинское общество совсем неоднозначно во взглядах по этому вопросу. Это еще одно яркое доказательство тому, как все быстро меняется в нашем стремительном и изменчивом мире. Здесь я позволю себе сарказм в том смысле, что если события, не дай бог, пойдут по такому сценарию, то будет создаваться впечатление, что российские специалисты, в отличие от большинства грузинских экспертов и аналитиков, более детально ознакомились с нашим соглашением об ассоциации с ЕС. Ибо если присутствуют те риски, о которых говорилось выше, то вполне актуально на повестке дня встанет следующий риторический вопрос: почему у нас не проводилась и не проводится широкая информационно-разъяснительная работа о всех последствиях реализации данного соглашения, как тактического, так и стратегического характеров. У нас сегодня эта работа в основном сведена только к абстрактно-идеологическим аспектам. По-моему, в этом контексте мы не учитываем горький опыт Украины.

Итак, общий вывод: узко-примитивным представляется напрямую рассматривать недавние выступления в Сухуми как действенный рычаг воздействия России на Грузию по вынуждению последней отказаться от подписания ассоциированного соглашения с ЕС. Думается, что на все происходящее надо взглянуть в более широком плане и сквозь призму национальной политики России, которая по отношению к Абхазии, на наш взгляд, в упрощенной форме выглядит следующим образом: путем искусственной деэволюции абхазского этноса в сторону его постепенного выталкивания из орбиты активной деятельности на собственной земле и конечного отмирания абхазского социума, осуществить скрытую ассимиляцию абхазского региона с российской общностью. Все больше абхазов начинают это понимать и уже чувствуется, что они начали уставать от постоянной «заботливой опеки» со стороны «старшего брата». Они стремятся сохранить и развивать свою идентичность и, в связи с этим, начинают убеждаться, что сегодняшнее статус-кво не только никак не способствует, но и обратно пропорционально этому.

Действительно, официально заявляя о т.н. независимости Абхазии, Кремль на самом деле проводит политику ее изоляции от мировой общественности, не допуская туда постоянных международных наблюдателей. Ее цель – тотально и монополично контролировать и направлять все тенденции в абхазском регионе. Они препятствуют проведению такой гуманитарно-экономической и социально-демографической политики, которая способствовала бы развитию абхазского общества. Об этом свидетельствует хотя бы и тот факт, что Россия упорно отклоняет соответствующие ежегодные резолюции ООН по Абхазии и Южной Осетии/Цхинвальский регион, имеющие в основном чисто гуманитарный характер.

Теперь, наверное, самый главный вопрос: что делать? Ибо постоянное обсуждение вопроса: кто виноват? – как показывает практика, превращается в безрезультативную историко-правовую дискуссию, которая к реальным и практическим сдвигам не приводит. А время идет и это, то бишь статус-кво «замороженного конфликта», на руку тем, кто заботится не об абхазской общественности, а скрытно думает о постепенном отмирании абхазского этноса.

В этом плане, безусловно, очень важно постоянное внимание мировой общественности к интересующему нас вопросу. Вместе с тем, следует признать, что подобное внимание фактически ограничивается заявлениями общего и декларативного характера (типа «политика непризнания»), а также призывами наладить отношения с Россией (эту субъективно-объективную необходимость мы и сами хорошо осознаем). Остро не хватает реальной и действенной конкретики и практики.

Исходя из специфичности «законсервированного абхазского конфликта» и сегодняшних реалий, нужны свежие, нестандартные и неординарные идеи и предложения. Почему бы

не рассмотреть следующий вариант: так как дипломатия «канонерок» (дипломатия военной силы) исключается из нашей политики (грузино-российская война 2008 доказала ее абсолютную несостоятельность для нас), официально заявляется, что в результате разумного высвобождения средств за счет военного бюджета произойдет их целенаправленное перераспределение на социально-демографическое и культурно-экономическое развитие абхазского региона Грузии (де-юре же он наш). Думается, что это будет эффективным шагом на пути восстановления доверия между абхазами и грузинами и их сближения (де-факто воздействие на абхазский регион), против чего Кремлю трудно что будет возразить и противопоставить. */Ведь, поверхностно экстраполируя, в многосторонних дипломатических переговорах по разрешению сирийского кризиса Россия, по большому счету, занимала схожую позицию, когда упор делался на преодоление важной причины (в том случае, контролируемое уничтожение сирийского химического оружия) возможной бомбардировки Сирии со стороны Запада./* Вместе с тем, почему бы такой шаг не рассмотреть как альтернативу по выходу из тупиковой ситуации по одному из главных вопросов женеvских переговоров, где Россия упорно требует подписания двусторонних соглашений о неприменении силы между Грузией и Абхазией, а также Грузией и Южной Осетией.

Вообще, и в целом, и в частности, мы считаем, что необходимо задействовать все ресурсы мирной дипломатии, включая «челночную», «тайную» и «кулуарную» дипломатию («закулисную», и не надо бояться этого слова: при определенных обстоятельствах она намного эффективнее). Главное, что мы должны уяснить и в этом постараться сплотить воедино грузинское общество, заключается в следующем: общая направленность динамики развития Грузии и ее процветание видится в создании гармоничного синтеза западноевропейских и наших православно-христианских ценностей, хотя на этом пути при необходимости возможны (и даже неизбежны, исходя из наших национальных интересов) определенного рода маневрирование и даже отступления, чтобы обеспечить будущее продвижение вперед по стратегически намеченной линии.